

находясь на свободе, скроется от следствия и суда...» Указание закона на то, что, «находясь на свободе», подозреваемый может скрыться от следствия или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет продолжать заниматься преступной деятельностью, может толковаться так, что воспрепятствовать подозреваемому реализовать его противоправные устремления можно, лишь заключив его под стражу. Поэтому представляется, что из статьи 84 УПК БССР следует исключить слова «находясь на свободе».

Нуждается в уточнении и норма, регламентирующая исчисление срока содержания под стражей лица, подвергнутого предварительному заключению, в тех случаях, когда к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения. В соответствии со статьей 85 УПК БССР в этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется. Отсюда можно сделать вывод, что применение меры пресечения к подозреваемому ограничено десятидневным сроком. Однако на практике нередко возникают случаи, когда применению меры пресечения до предъявления обвинения лицу, подозреваемому в совершении преступления, предшествует задержание этого лица в соответствии со статьей 119 УПК БССР. Эта статья допускает задержание подозреваемого на срок до 72 часов, после чего он должен быть либо заключен под стражу, либо освобожден. Таким образом, если применению меры пресечения предшествовало задержание, то лицо находится в положении подозреваемого в течение 13 суток, поскольку, исходя из буквального толкования статьи 85 УПК БССР, срок меры пресечения исчисляется с момента применения меры пресечения. Но такой вывод противоречит общим требованиям статьи 33 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Требование закона о предъявлении обвинения не позднее десятидневного срока и об отмене меры пресечения в случае невозможности его предъявления является важной гарантией охраны прав подозреваемого. Она призвана оградить лицо от длительного пребывания в положении подозреваемого, содержания его под стражей и должна рассматриваться как гарантия неприкосновенности личности.

Так как процессуальная фигура подозреваемого как участника уголовного процесса «появляется» в деле не только при применении меры пресечения, но и при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, необходимо и в этом случае не допускать содержания лица под стражей без предъявления обвинения свыше десяти суток. Иначе, лицо, к которому до применения меры пресечения было применено задержание, будет поставлено в худшие условия, чем лицо, к которому задержание не применялось. В этой связи представляется необходимым законодательно закрепить, что срок действия меры пресечения в отношении лица, которое было задержано до ее применения по статье 119 УПК БССР, должен исчисляться с момента задержания.

¹ См.: Денежкин Б. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе.— Саратов, 1982, с. 97.

² См.: Бойков А., Южников Л. Арест подозреваемого.— Социалистическая законность, 1970, № 1, с. 44.

³ См.: Короткий Н. Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования.— М., 1981, с. 81.

⁴ См.: Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР.— М., 1981, с. 126.

Н. А. БАБИЙ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ СПАИВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «немалый ущерб обществу, семье наносит пьянство, которое... еще остается серьезной проблемой»¹. Большую роль в борьбе с распространением этого социального зла призваны сыграть советские суды. Эффективность их деятельности во многом зависит от правильного и единообразного понимания и применения уголовного закона.

В УК БССР содержатся две статьи, определяющие меры наказания за

распространение пьянства среди молодежи: ст. 205 предусматривает в числе других действий уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, и ст. 205-1 — ответственность за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого он находился.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» в определение признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в пьянство были внесены значительные изменения. Уголовно наказуемым признано лишь доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, совершаемое систематически (однократное доведение образует состав преступления только в случае, когда несовершеннолетний находится в служебной зависимости от взрослого). Этим указом «понятие уголовно наказуемого вовлечения несовершеннолетнего в пьянство было значительно сужено»². Однако до настоящего времени ст. 205 УК БССР в части установления ею ответственности за «вовлечение несовершеннолетних в пьянство» не приведена в соответствие с указом. В уголовных кодексах ряда союзных республик (Азербайджанской ССР, Молдавской ССР, Туркменской ССР и др.) в соответствии с аналогичными указами 1972 года такие изменения внесены.

Отмеченный недостаток порождает разногласия в понимании содержания ст. 205 УК БССР и применении ее на практике. В интересующей нас части ст. 205 речь идет о вовлечении несовершеннолетних в пьянство. Характеристика действий, в которых может выразиться данное преступление, содержится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 года «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» (с дополнениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 года). Согласно п. 11 постановления, «уголовно наказуемым вовлечением в пьянство признаются умышленные действия взрослого, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков»³.

Указание на умышленный характер действий в сочетании с указанием на их направленность некоторые юристы трактуют так, будто «вовлечение... предполагает только активное, целенаправленное поведение»⁴. Целью же действий взрослого признается становление несовершеннолетнего пьяницей. В связи с этим определение субъективных признаков данного преступления производится по отношению к последствию действий взрослого — пьянству несовершеннолетнего. Так, С. С. Яценко считает, что «вовлечение несовершеннолетних в пьянство совершается только умышленно. Вина виновного состоит в факте систематического доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения, предвидит возможность того, что несовершеннолетний пристрастится к спиртному, и желает либо сознательно допускает наступление такого результата»⁵. При таком подходе к признакам систематичности действий взрослого лица относятся не только какая-то сумма разрозненных актов, но и внутренняя согласованность действий, их логическая целесообразная связь.

Между тем указ от 21 июня 1972 года, определяя рассматриваемое преступление как доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, совершаемое систематически, не содержит никаких указаний ни на последнее такое деяние (становление несовершеннолетнего пьяницей), ни на какую-либо целенаправленность действий. Следовательно, форму вины взрослого лица следует определять по отношению к осознанию им общественной опасности совершаемых действий, а не по отношению к последствию, поскольку оно находится за рамками состава преступления (формальный состав). Это означает также, что направленность действий взрослого на достижение цели — становление несовершеннолетнего пьяницей не является обязательным элементом состава рассматриваемого преступления.

Систематическое доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения признается преступлением, поскольку такие действия обладают повышенной степенью общественной опасности, могут причинить существенный вред нравственному и физическому развитию несовершеннолетнего. Причем такие действия взрослого объективно общественно опасны независимо от его намерений. Систематическое совершение взрослым действий, влекущих применение мер административного воздействия, приобретает характер серьезного правонарушения, за которое в связи с этим установлена уголовная ответственность. Субъективным же основанием ее установления

является то, что систематическое доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения свидетельствует об определенной устойчивости асоциальной направленности личности виновного. Поэтому представляется, что верно истолковывают закон те авторы, которые полагают, что «констатация систематичности в доведении несовершеннолетнего до состояния опьянения не требует, чтобы цель у взрослого была все время одной и той же»⁶.

Следует также отметить, что в подавляющем большинстве случаев взрослые не стремятся сделать несовершеннолетнего пьяницей, полагая, что с ним такого не произойдет. Изучение практики народных судов БССР по делам рассматриваемой категории за 1980—1983 годы показало, что спайвание несовершеннолетнего с целью иметь партнера по выпивке (за компанию) составило 69 % общего числа случаев. В этом отношении характерным является объяснение, данное гр. С., осужденным за вовлечение несовершеннолетних в пьянство народным судом Первомайского района г. Витебска: «Угощал я их вином только потому, что не было с кем выпить, а одному пить не хотелось»⁷. В других случаях целью взрослых было: «обмыты получку» — 5 %, вовлечь несовершеннолетнего в преступную деятельность — 10 %, отметить праздник — 5 %, выпить за счет несовершеннолетнего — 6 %, расплатиться за выполненную им работу — 3 % и др.

Определение объективных признаков рассматриваемого преступления путем раскрытия содержания понятия «пьянство» продолжает порождать разногласия среди юристов. Так, по мнению К. К. Спераанского, пьянство «должно усматриваться не только при систематическом, но и при разовом, чрезмерном употреблении спиртных напитков»⁸.

До принятия указа от 21 июня 1972 года возможность уголовной ответственности за однократное доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения вытекала из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 года «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность». И несмотря на то, что это постановление признано утратившим силу, в специальной юридической литературе до настоящего времени нередко указывается на наказуемость в уголовном порядке взрослых, допустивших единичный случай склонения несовершеннолетнего к неумеренному употреблению спиртного. Так, в «Курсе советского уголовного права», изданном ЛГУ, указывается на наличие состава рассматриваемого преступления «и при создании взрослым условий и для однократного, но длительного распития спиртных напитков в большом количестве и т. д.»⁹ В качестве примера приводится позиция Верховного Суда РСФСР, в 1968 году признавшего правильным осуждение гр. К. за то, что в течение более суток он распивал спиртные напитки с 13-летней Г., отчего та вала в состояние сильного опьянения. А в учебнике «Советское уголовное право» издательства МГУ (1982) утверждается, что вовлечение несовершеннолетнего в пьянство может быть усмотрено «в порядке исключения» (?) и при однократном доведении подростка до состояния значительного опьянения¹⁰. Другие же авторы справедливо, на наш взгляд, полагают, что «действующее законодательство не дает оснований для привлечения к уголовной ответственности... за разовые единичные факты вовлечения подростков в употребление спиртных напитков, хотя бы и имело место неумеренное употребление последних, повлекшее тяжкие последствия»¹¹.

Отмеченные разногласия не могли не сказаться и на практической деятельности органов следствия и суда. По результатам нашего исследования, народные суды БССР в 10 % случаев выносили обвинительный приговор, осуждая взрослых за однократное доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения. В то же время одним из наиболее часто встречающихся оснований для оправдания подсудимых по этой категории дел является отсутствие в их действиях признака систематичности (44 % случаев оправдания). Наличие споров в юридической литературе и разноречивая судебная практика подтверждает вывод И. И. Горелика о том, что формулировка ст. 205 УК БССР «вовлечение несовершеннолетних в пьянство» «достаточно краткая, но недостаточно точная, не способствовала практическому применению закона»¹². Она, бесспорно, нуждается в уточнении с учетом легального толкования ст. 205 УК БССР в интересующей нас части, данного Президиумом Верховного Совета БССР в указе от 21 июня 1972 года.

Анализ судебной практики свидетельствует также о необходимости внесения изменений в виды наказаний, которые могут назначаться за спай-

вание несовершеннолетнего. По изученным нами делам, по которым обвинение по ст. 205 УК БССР предъявлялось только за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, в 34 % случаев суды применяли наказание, не связанное с лишением свободы, причем в 50 % таких случаев применялась ст. 42 УК БССР, по которой назначались исправительные работы на срок до одного года. Поэтому целесообразно предусмотреть наказание за систематическое спивание несовершеннолетнего не только в виде лишения свободы, но и возможность назначения виновному исправительных работ на срок до двух лет.

В связи с изложенным статья, предусматривающая ответственность за систематическое спивание несовершеннолетнего, могла бы иметь следующий вид: «Спивание несовершеннолетнего. Систематическое доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения родителями или иными лицами наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок от одного года до двух лет».

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 64.

² Горелик И. И., Тишкевич И. С. Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР.— Минск, 1976, с. 225.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 5, с. 7.

⁴ Щедрина А. К. Некоторые вопросы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность.— Сб. учен. тр. Св. ЮИ, 1973, вып. 28, с. 127.

⁵ Яценко С. С. Уголовно-правовая борьба с пьянством и алкоголизмом.— Киев, 1977, с. 30.

⁶ Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение.— М., 1981, с. 18.

⁷ Архив народного суда Первомайского района г. Витебска, арх. № 1-278-82, л. 32.

⁸ Сперанский К. К. Вопросы теории и практики борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.— Краснодар, 1978, с. 24.

⁹ Курс советского уголовного права.— Л., 1981, т. 5, с. 57.

¹⁰ См.: Советское уголовное право: Особенная часть.— М., 1982, с. 367.

¹¹ Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение, с. 19—20.

¹² Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья.— Минск, 1973, с. 117.

Е. Н. ТАГУНОВ

КОНТРОЛЬ — ВАЖНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В ленинском теоретическом наследии по вопросам государственного строительства есть очень емкое определение одной из главных черт советского стиля руководства, искусства подлинно научного управления: «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»¹. Советская действительность наглядно и убедительно доказала, что эта ленинская формула на всех этапах строительства социализма в нашей стране неизменно играла исключительно важную роль.

Народный по своей классовой сущности контроль в СССР осуществляется через различные звенья политической системы общества. В соответствии с этим существует государственный и общественный контроль. Он многообразен и осуществляется в разных организационно-правовых формах, имеющих свои специфические особенности, которые обусловлены природой и содержанием компетенции субъекта контроля. Наличие различных видов государственного и общественного контроля обусловлено совокупностью взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов: углубляющимся в условиях научно-технической революции разделением общественного труда и его специализацией, возрастающим объемом и усложнением хозяйственных связей, усилением концентрации производства, курсом на интенсификацию общественного производства, бурным развитием социально-культурного строительства, ростом политической активности граждан СССР.

Какие основные объективные и субъективные причины обуславливают необходимость контроля в условиях развитого социалистического общества